

УДК 82.091

МОТИВ ДВОЙНИЧЕСТВА В РОМАНЕ ДАФНЫ ДЮ МОРЬЕ «КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ»

© Полина Динерштейн

THE MOTIF OF DUALITY IN THE NOVEL “THE SCAPEGOAT” BY DAPHNE DU MAURIER

Polina Dinershtein

The motif of duality in the novel “The Scapegoat” can be traced at different levels of the narrative. First of all, it lies at the heart of the plot about the substitution of heroes. It is important that the emphasis is on their belonging to different nationalities: the Englishman and the Frenchman. Thus, the writer actualizes the problem of the national character, indicating the ways of solving it through the lens of the modernist concept. In the paper, the motif of duality is considered from two perspectives: ontological and axiological. The first is connected with differences in the perception of reality, that is, with specific everyday manifestations, which is the external basis of the plot. The second motif, raising a deep layer, is associated with religious and moral values. Structurally, the text is split into several spatial segments that are important for solving the problem of the hero's self-identification. The paper analyzes three main spatial images associated with various spheres of human life. The analysis of this chronotope allows us to draw an intermediate conclusion concerning the solution of the problem of the national character. Our transformation into a cosmopolitan universal state is suggested as a way out. However, in this novel, the motif of duality defines a deeper religious and moral meaning evident in the title of the work and in the polysemy of this image. In this connection, we analyze the polemical nature of the religious theme of the text, as well as the various stages in the development of the concept “the scapegoat” and its interpretation given in the novel by Daphne Du Maurier. To conclude we note the ambiguity of human nature, not reducible to any national characteristics, and the need to look at human society in a broader way, in the context of supranational concepts.

Keywords: Daphne du Maurier, English novel, scapegoat, motif of duality, national character.

Мотив двойничества в романе Дафны Дю Морье «Козел отпущения» прослеживается на разных уровнях повествования. В первую очередь он лежит в основе сюжета о подмене героев. Важно, что акцент сделан на их принадлежности к различным национальностям: англичанин и француз. Таким образом, писательница актуализирует проблему национального характера, указывая пути ее решения в русле модернистской концепции. В статье мотив двойничества рассматривается с двух позиций: онтологической и аксиологической. Первый связан с различиями в восприятии действительности, то есть с конкретными бытовыми проявлениями, что и составляет внешнюю основу сюжета. Второй – поднимает глубинный пласт и связан с религиозно-нравственными ценностями. Структурно текст распадается на несколько пространственных сегментов, важных для решения проблемы самоидентификации героя. В статье анализируются три основных пространственных образа, связанных с различными сферами, составляющими человеческую жизнь. Анализ этого хронотопа уже позволяет сделать промежуточный вывод, касающийся решения проблемы национального характера. В качестве выхода предполагается трансформация в космополитическое всеобщее государство. Однако мотив двойничества в этом романе определяет и более глубокий религиозно-нравственный смысл. Он обозначен и в названии произведения, и в многозначности этого образа. В этой связи анализируется полемический характер религиозной тематики текста, а также различные этапы становления понятия «козел отпущения» и его интерпретация в романе Дафны Дю Морье. В заключении содержатся выводы о неоднозначности человеческой природы, не сводимой ни к каким национальным особенностям, о необходимости смотреть на человеческое общество шире, в контексте наднациональных концепций.

Ключевые слова: Дафна Дю Морье, английский роман, козел отпущения, двойничество, национальный характер.

Творчество известной английской писательницы отмечено неизменным интересом к французской теме. Безусловно, это можно объяснить тем, что ее происхождение имеет французские корни. При этом важно отметить, что французские мотивы впервые звучат в одном из самых ранних романов писательницы («Прощай, молодость!») и не смолкают на протяжении всего ее творчества. Эта особенность проявляется как в произведениях fiction («Прощай, молодость!», «Мэри Энн», «Стеклодувы»), так и в non fiction. Проблема соотношения английского и французского в творчестве писательницы связана в первую очередь с понятием национального характера. С нашей точки зрения, Дю Морье разделяет модернистскую концепцию национального, согласно которой нации являются переходными историческими формированиями. По мере изменения исторических условий происходит их трансформация в космополитическое всеобщее государство [Хабибуллина]. В художественном сознании писательницы эта идея реализуется через мотив двойничества, уходящий корнями в очень давнюю историю. «Образ двойника находит свое отражение еще в древней мифологии, в частности в дуалистических мифах с их идеей наличия в мире двух противоположных начал <...>. Образ двойника в культуре связывается с темой двойника человека или его тени (Вяч. Вс. Иванов), а также с архетипами культурного героя и трикстера» [Новикова]. Особенно активно этот феномен «начинает заявлять о себе в эпоху романтизма» [Амелина]. Традиционно двойничество рассматривают с двух позиций: онтологической и аксиологической, – как специфику восприятия действительности и с точки зрения религиозно-нравственных ценностей. «Под двойником мы понимаем проекцию части сознания или подсознания художественного прототипа, функционирующую в качестве самостоятельного персонажа произведения» [Крылова]. Философии двойников – это пазлы одной картины, на что указывают формальные, внешние атрибуты сходства. Внешний двойник «представляет собой не что иное, как персонифицированный осколок сознания прототипа, выведенный автором в ранг отдельного персонажа для более яркой демонстрации противоречивости мировосприятия героя» [Там же], а в нашем случае – и самого автора. Именно поэтому можно говорить об автодвойничестве, когда большое значение имеет проблема «глубинного самоанализа писателем собственного «внутреннего человека» [Котова, Кудряшов]. Наличие в тексте внешнего двойничества всегда маркирует установку автора на неприятие чего-то в современной ему действительно-

сти. В этом случае двойничество выступает как формально-композиционное средство при реализации художественной концепции автора. Сегодня можно утверждать, что «двойничество, преодолев древние формы, ушло в подсознательную область психики современного западного человека. То есть двойничество в первую очередь представляет собой архетип западной культуры» [Крылова].

Сюжет романа «Козел отпущения» выстроен на классической ситуации подмены героя двойником. Интересно, что рабочим названием романа и было «The Double» [Heeley]. Ученый, специалист по истории и культуре Франции, англичанин Джон, проснувшись однажды утром в одной из провинций, обнаруживает, что все принимают его за французского аристократа Жана, с которым он познакомился накануне вечером. Убедившись в тщетности попыток вернуть себя самого, Джон занимает место Жана де Ге. Все повествование ведется от первого лица и сосредоточено на переживаниях главного героя, вынужденного окунуться в многочисленные тайны и проблемы французского аристократического семейства, глава которого так легкомысленно уступил ему свое место. Таким образом, уже в начале романа обозначилось клишированное представление о национальных особенностях англичан и французозов:

<...> благовоспитанным, благожелательным, но до чего же скучным лондонским теням, среди которых живет и добывает свое пропитание законопослушный, тихий, педантичный и чопорный индивидуум 38 лет [Дю Морье].

А у французозов, по мнению героя, даже подписи у всех типичные для этой нации. Мотив двойничества воплощен не только за счет внешнего двойника героя, но и внутреннего – с его мучительными сомнениями относительно своей истинной сущности:

<...> кто оно это существо (мое внутреннее я) <...> возможно, у него холодное сердце, язвительный смех, вспыльчивый характер и дерзкий язык [Там же].

Этот мотив реализуется за счет раскрытия неожиданных мыслей и поступков, на которые оказался способен англичанин, поначалу ощущавший себя совершенно чужим во французской провинции. Блестящее знание языка, истории и культуры французозов не сделали их, как ему казалось, ни ближе, ни понятнее, ни роднее. Он был всего лишь сторонним наблюдателем, что причиняло ему непонятную боль:

<...> хотел бы я – недоступное для меня счастье – чувствовать себя одним из них <...> быть связанным с ними узами родства и крови, узами, которые для них понятны и правомерны <...> [Там же].

Все дальнейшее повествование выстраивается как попытка на ощупь достичь это «недоступное счастье».

Структурно текст распадается на несколько пространственных сегментов, важных для решения проблемы самоидентификации героя. В первую очередь это фамильный замок де Ге, владельцем которого оказался самозванец поневоле. Интересно, что он ассоциируется у героя с островом, а остров, в свою очередь, с Англией, домом.

Замок, прекрасный, безмятежный, отгороженный от внешнего мира старыми крепостными стенами вокруг высохшего рва, казался островом, стоящим особняком <...>, где люди жили по стародавним обычаям и законам [Там же].

Ощущения героя при вхождении в «свою» семью связаны с опасением разоблачения. Однако единственным существом, не признавшим в нем Жана де Ге, стала собака. Остальные не заметили никакого подвоха при всех странностях его поведения. Особую близость и внутренний комфорт он испытывает при общении с «дочерью» и «матерью», несмотря на их эгоизм и странности. Вживание в роль главы большого, но абсолютно разобщенного семейства причиняет ему страдание и одновременно жгучий интерес, желание проникнуть в тайны этих людей, почему-то ненавидящих друг друга.

Другим важным местом, в котором оказался герой, стала убыточная стекольная фабрика, основанная предками графа де Ге. Сразу обращает на себя внимание то, что этот эпизод связан с фактом биографии самой Дю Морье. Один из героев, возглавлявший когда-то эту фабрику, носит фамилию Дюваль, с которой мы сталкиваемся в псевдобιοграфическом романе «Стеклодувы». События, связанные с этим местом, обращены к трагической гибели одного из героев во время Второй мировой войны. Таким образом, семейная история вплетается в контекст травматического опыта большой истории, оказывающей влияние на частные судьбы европейцев.

Следующим пространственным маркером является небольшой городок Виллар, расположенный по соседству с замком. Пребывание в нем связано с деловой стороной жизни героя и, что наиболее важно, с ее интимной сферой. Семья, жена – это долг, брачный контракт, финансы и законные наследники. Бела – женщина не столь-

ко для тела, сколько для души, потому что перед ней нет никаких обязательств.

На свете полно несчастных, неприспособленных людей, которые призраками блуждают по жизни, пытаясь спрятаться от нее и обрести себя при помощи женщин. <...> Бела из Виллара завершила картину, где уже были мать, жена и дочь. Сердечность первой, доверие второй, смех третьей слились воедино и возникла четвертая – Бела [Там же].

Интересно, что и в качестве любовника он является заместителем Жана де Ге, случайно встретив Белу на городской ярмарке. Владелица небольшой лавочки оказалась неординарной и на редкость чуткой женщиной, в обществе которой было уютно и спокойно. Характерно, что именно она в конце концов догадалась о подмене. Однако это открытие никак не связано с национальными особенностями героя; секс, как правило, связан с другими признаками и ощущениями. Признание о своей догадке она делает естественно и участливо, спрашивая растерянного и опущенного лже-Жана:

Значит, он вернулся? Тот, другой? [Там же].

А «тот, другой» действительно вернулся на последних страницах романа, и эта встреча двойников чуть было не закончилась трагически. Оба шли на встречу с оружием и решимостью убить. Оба решили отстаивать свое право на жизнь в Сен-Жиле, откуда один сбежал неделю назад, а другой был фактически насильно водворен. Только теперь Джон не считал себя самозванцем и чьей-то тенью, теперь он был истинным хозяином замка, потому что полюбил его обитателей, искупил вину и преступление, объединил семью и дал каждому то, что сделало его счастливым. Однако он уступил, и двойники расстались:

Мое старое «Я» из Ле-Мана было мертво. Тень Жана де Ге тоже исчезла. На их месте возникло нечто новое, не имеющее субстанции, не обличенное еще в плоть и кровь, рожденное чувством, которое пребудет вечно <...> [Дю Морье].

Пространственную структуру романа дополняет еще один образ, который значительно отличается от рассмотренных выше. Речь идет о монастыре траппистов, в который направляется герой в начале романа в надежде найти ответы на мучающие его вопросы. Однако встреча с Жаном де Ге разрушает его планы, и он оказывается в замке аристократа. Во второй раз образ монастыря возникает на последних страницах текста, когда герой, в очередной раз потерпевший фиаско, собирается найти опору там, куда он на-

правлялся до встречи с двойником. В результате текст замыкается в рамочной композиции, при этом финал остается открытым. Основным отличием этого образа от предыдущих пространственных маркеров является то, что он так и не приобретает осязаемые и визуальные характеристики: в тексте он представлен только в сознании героя. И в этой связи можно говорить о втором аспекте двойничества – аксиологическом – с его поиском религиозно-нравственного содержания бытия.

Значительность этого дискурса в тексте подчеркивается названием романа, в котором прочитывается религиозно-мифологическая символика. Она, в свою очередь, влечет за собой, с одной стороны, многочисленные смыслы, с другой – наличие нравственного императива. Феномен понятия «козел отпущения» исторически и с различных точек зрения рассматривает в своей книге с одноименным названием Рене Жиран [Жиран]. И хотя в научном сообществе она воспринимается очень неоднозначно, определенные аспекты этого исследования могут служить основой для анализа этого метафорического образа в романе Дафны Дю Морье. Наибольшее внимания в этом исследовании заслуживают два момента. Первый связан с анализом исторической парадигмы понятия «козел отпущения». Рене Жиран выделяет несколько этапов в развитии этого феномена в истории человечества. С его точки зрения, этот ритуал лежит в основе организации любого человеческого сообщества. Центральным учредительным событием является коллективное насилие над жертвой, призванное восстановить нарушенный порядок. Мифологический этап развития этого феномена имеет две фазы, что отражено в мифах различных народов. Первая ступень актуализирует открытое коллективное убийство жертвы, обвиненной в кризисном состоянии общества. Следующая фаза фиксирует попытки скрыть преступление жертвы, чтобы ее дальнейшая сакрализация не вызывала никаких сомнений. Важнейшим свойством обеих фаз этого ритуала является неразрывная связь гонителя и жертвы, которую можно интерпретировать как один из вариантов двойничества. Решающий перелом в интерпретации понятия «козел отпущения» происходит с отказом от язычества. Христианство с его евангельскими откровениями разоблачает истинный смысл насилия и настаивает на невинности жертвы. Это, в свою очередь, влечет за собой отрицание насилия как основного принципа построения общества. Второй аспект исследования французского ученого связан с выявлением механизма действия феномена «козел отпущения», формулирует его ос-

новные характеристики. Другими словами, он настаивает на том, что есть тексты, открыто содержащие темы и мотивы этого феномена, и тексты, структура которых подчинена вскрытию его механизма.

Роман Дю Морье, с нашей точки зрения, содержит оба аспекта. В нем есть ситуации, соответствующие трем основным версиям развития феномена «козел отпущения». Открытое коллективное убийство Мориса Дюваля, возлюбленного Бланш де Ге, во время Второй мировой войны; завуалированное коллективное убийство Франсуазы де Ге, одинокой и несчастной жены Жана; и названный козел отпущения в лице главного героя, которому в результате удается избежать трагической участи. Мифологическим двойникам – гонителю и жертве – удается примириться и разойтись.

Религиозная составляющая текста является одним из ведущих его дискурсов. Во многом его доминирующее положение определяется полемическим характером этого мотива. Автор недвусмысленно дает это понять в начале романа, когда обозначаются два различных отношения к церкви. Размышления почти отчаявшегося Джона:

Здесь, в пустой церкви, была иная возможность – молитва. Молиться, но о чем? О том, чтобы собраться с духом и выполнить пока еще нетвердое намерение поехать в монастырь траппистов (Трапписты – католический монашеский орден, основанный в 1664 г. – *Е. А., П. Д.*) в надежде, что там научат, как смириться с фиаско... [Дю Морье]

– и циничная реакция на них Жана де Ге:

Что вас тревожит? <...> Женщина? <...> Деньги? <...>. Попали в передрыгу? <...> У вас рак? <...> Может быть, вы алкоголик, <...> или гомосексуалист? Или любите огорчения ради них самих? Плохи, должно быть, ваши дела, если вы хотите ехать к траппистам [Там же].

Обращение к религии в романе связано с утратой душевного спокойствия, незатихающей болью и потерей себя. В той или иной степени это касается всех персонажей, а если поверить Жану де Ге, то и всех людей вообще:

<...> просто я как личность потерпел в жизни фиаско.

– Как и все остальные, – сказал он, – вы, я, все эти люди здесь, в буфете. Все мы до одного потерпели фиаско. Секрет в том, чтобы осознать этот факт как можно раньше и примириться с ним. Тогда это больше не имеет значения.

– Имеет, и еще какое, – сказал я, – и я не примирился [Там же].

Герои Дю Морье по-разному пытаются уйти от необходимости принять реальность, в которой нет места их истинным чувствам, главным из которых является любовь. Бланш не может простить брату предательского убийства возлюбленного, лишившего ее будущего и тем самым смысла жизни. Теперь ее единственным утешением стали своеобразный «обет молчания» и фанатичная набожность, к которой она истово общается и свою племянницу. Мари-Ноэль, одиннадцатилетняя дочь Жана де Ге, наделена пылким воображением, которое спасает ее от запутанных и недобрых взаимоотношений взрослых членов семьи. Она пугает всех «здравомыслящих» обитателей замка своими видениями смерти, и только Бланш им верит и считает верным знаком предназначения жизни девочки в монастыре. Такая интерпретация религиозной поддержки в жизненных невзгодах и душевной смуте невольно вызывает сомнения. Она, скорее, ассоциируется с потребностью очередного козла отпущения. Подобное проявление веры вряд ли приводит к умиротворению души. Важное значение в религиозно-нравственном контексте повествования имеет образ старого седого кюре, обладателя *славного, розового и абсолютно гладкого лица* [Там же]. Улыбчивый и услужливый (...*само согласие, вот отказ на его губах, верно, будет звучать неубедительно* [Там же]), он, на первый взгляд, производит впечатление совершенно бесполезного, но обязательного для приличного дома домашнего существа. Неслучайно при описании первой встречи с ним внимание героя все время привлекают два комнатных фокстерьера, неизменных обитателей апартаментов старой графини. Внешняя уважительность вежливого обращения графини на самом деле скрывает ироничное, если не сказать издевательское, отношение к священнику:

Я – единственная в этом доме, кто не потерял веру, не так ли? – сказала она, обращаясь к кюре [Там же].

Эту фразу произносит циничная старая морфинистка. И дальше, обсуждая видения внучки:

Если уж в нашей семье заведется святая, будем держать ее дома. Это открывает большие возможности. Что нам мешает превратить Сен-Жиль в центр паломничества? Естественно, без одобрения епископа и церкви тут не обойтись, но, пожалуй, об этом стоит подумать. Наконец-то появятся деньги, чтобы починить крышу нашей церкви. От общества «Защитников памятников» помощи не жди [Там же].

В этом эпизоде Дю Морье вновь сталкивает две позиции: фанатичная набожность и прагматичный, расчетливый подход к вопросам церкви и религии. А где-то посередине старый кюре с его убежденностью в существовании нравственной истины. Неслучайно именно он забирает оружие у Джона, не дав ему совершить преступление. Таким образом, и в вопросах религии ситуация конфликта связана с оппозицией «прав – неправ», «свой – иной, другой». То есть вновь воспроизводится механизм «козла отпущения».

Дафна Дю Морье четко обозначает основные источники личностного самопознания: прошлое со всеми его издержками, которое необходимо принять, семья с ее проблемами и заботами, а также глубоко интимные отношения между мужчиной и женщиной. Писательница при всей условности сюжетной ситуации довольно убедительно доказала, что национальные различия в сложившихся условиях не имеют никакого значения:

Мне было все равно, кто он – немец, японец или упал с луны [Там же].

Проблема не в различии языков, традиционных и религиозных представлений. Проблема в самой человеческой природе, которая очень неоднозначна и противоречива:

<...> а все сделанное и сказанное мной за это время запутало меня больше, затянуло глубже, привязало еще тесней к человеку, который и телом и духом не имел со мной ничего общего, чьи мысли и поступки были неизмеримо далеки от моих и при этом чья внутренняя сущность отвечала моей природе, совпала, пусть отчасти, с моим тайным «я» [Там же].

Англичанин и француз, оказавшись двойниками, по сути, становятся двумя сторонами одной медали.

Роман написан в 1957 году, когда в Европе получает широкое распространение идея объединения национальных государств в новую общность, которая, как известно, выльется в процесс глобализации, размывания национальных интересов и особенностей и выработки новых общечеловеческих и демократических ценностей. «Козел отпущения» Дафны Дю Морье вполне вписывается в эту идеологическую конструкцию.

Список литературы

Амелина Е. Е. Феномен двойничества в новеллах Р. Л. Стивенсона «Маркхейм» и «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная фило-

логия. 2014. Вып. 2 (26) С. 109–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-dvoynichestva-v-novellakh-r-l-stivensona-markheyim-i-strannaya-istoriya-doktora-dzhekila-i-mistera-hayda> (дата обращения: 25.05.2017).

Дю Морье Д. Козел отпущения. М.: Азбука, 2004. 480 с. URL: <http://knijky.ru/books/kozel-otpushcheniya> (дата обращения: 23.05.2017).

Жирар Р. Козел отпущения. СПб: Наука, 2010. 336 с. URL: <http://predanie.ru/zhirar-rene/book/199594-kozel-otpuscheniya/> (дата обращения: 23.05.2017).

Котова Н. С., Кудряшов И. А. Феномен двойничества в аспекте текстуальной поэтики // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61412> (дата обращения: 25.05.2017).

Крылова А. Определение понятия «двойничества» в литературе и философско-эстетическая база его возникновения // Парус. 2014. № 34. URL: <https://litbook.ru/article/6964/> (дата обращения: 23.05.2017).

Новикова Е. В. Типология героев-двойников и структурные особенности представления двойничества в произведениях Э. Т. А. Гофмана // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8202> (дата обращения: 26.05.2017).

Хабидулина Л. Ф. Национальный миф в современной английской литературе // Вестник ТГГПУ. 2010. № 2 (20). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyu-mif-v-sovremennoy-angliyskoy-literature> (дата обращения: 23.05.2017).

Heeley M. J. Resurrection, Renaissance, Rebirth: Religion, Psychology and Politics in the Life and Works of Daphne du Maurier. A Doctoral Thesis. Loughborough University, 2007. URL: <https://dspace.lboro.ac.uk/2134/4434> (дата обращения: 25.05.2017).

References

Amelina, E. E. (2014). *Fenomen dvoynichestva v novellakh R. L. Stivensona "Markkheim" i "Strannaia istoriia doktora Dzhekila i mistera Khaida"* [The Duality Phenomenon in Stevenson's Novellas "Markkheim" and "Strange Case of Dr Jekyll and Mr Hyde"]. Vestnik

Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya, vyp. 2 (26), pp. 109–114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-dvoynichestva-v-novellakh-r-l-stivensona-markheyim-i-strannaya-istoriya-doktora-dzhekila-i-mistera-hayda> (accessed: 25.05.2017). (In Russian)

Diu Mor'e, D. (2004). *Kozel otpushcheniia*. [The Scapegoat]. 480 p. Moscow, Azbuka. URL: <http://knijky.ru/books/kozel-otpushcheniya> (accessed: 23.05.2017). (In Russian)

Heeley, M. J. *Resurrection, Renaissance, Rebirth: Religion, Psychology and Politics in the Life and Works of Daphne du Maurier*. A Doctoral Thesis. Loughborough University, 2007. URL: <https://dspace.lboro.ac.uk/2134/4434> (accessed: 25.05.2017). (In English)

Khabibullina, L. F. (2010). *Natsional'nyi mif v sovremennoi angliiskoi literature*. [National Myth in the Contemporary English Literature]. Vestnik TGGPU, No. 2 (20). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyu-mif-v-sovremennoy-angliyskoy-literature> (accessed: 23.05.2017). (In Russian)

Kotova, N. S., Kudriashov I. A. (2015). *Fenomen dvoynichestva v aspekte tekstual'noi poetiki* [The Duality Phenomenon in the Aspect of Textual Poetics]. Sovremennye nauchnye issledovaniia i innovatsii, No. 12. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/12/61412>. (accessed: 25.05.2017). (In Russian)

Krylova, A. (2014) *Opreделение poniatiiia "dvoynichestva" v literature i filosofsko-esteticheskaia baza ego vznikhoveniia*. [The Definition of the Term "Duality" in Literature and the Philosopho-Aesthetic Base of Its Origin]. Parus, No. 34. URL: <https://litbook.ru/article/6964/> (accessed: 23.05.2017). (In Russian)

Novikova, E. V. (2014). *Tipologiya geroev-dvoynikov i strukturnye osobennosti predstavleniia dvoynichestva v proizvedeniakh E. T. A. Gofmana* [Typology of Heroes-Doubles and Structural Features Representing Duality in the Creations of E. T. A. Hoffmann]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniia, No.11. URL: <http://human.snauka.ru/2014/11/8202> (accessed: 26.05.2017). (In Russian)

Zhirar, R. (2010). *Kozel otpushcheniia*. [The Scapegoat]. 336 p. St. Petersburg, Nauka. URL: <http://predanie.ru/zhirar-rene/book/199594-kozel-otpuscheniya/> (accessed: 23.05.2017). (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2017

Поступила в редакцию 27.05.2017

Динерштейн Полина Владимировна,
преподаватель,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
polina@dinershtein.com

Dinershtein Polina Vladimirovna,
Assistant Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
polina@dinershtein.com